

С. Н. Быковский

К вопросу об одомашнении животных

Проблема одомашнения животных и начало скотоводства, судя по состоянию литературы предмета, до настоящего времени остается проблемой. Она продолжает привлекать к себе внимание различных специалистов как археологов, этнографов, лингвистов, так и представителей различных специальностей естествознания — палеозоологов, генетиков и т. д. не со стороны тех или иных деталей, но в целом. Дискуссируются не те или иные частные вопросы, самое обсуждение которых могло бы подчеркнуть, что основное уже разрешено, но вопросы приемов разрешения проблемы в целом, подхода к материалу, источников и т. д. Новейший коллективный труд, посвященный этим вопросам — сборник лаборатории генетики АН СССР „Проблема происхождения домашних животных“, 1933 г. — наглядно показывает, что различные специалисты, исследующие названную проблему, еще не договорились между собой в основном, в главном. Если один из авторов, напр., категорически отрицает возможность поисков единого центра, где впервые были одомашнены животные и откуда последние затем заимствовались в других местах, то другой автор серьезно обсуждает проблему такого центра, третий — трактует вопрос со стороны нескольких подобных центров и т. д.

Прежде всего самым решительным образом необходимо отвести в сторону всякие попытки поисков единого центра, откуда по всему, якобы, свету распространялись домашние животные. Соответствующая точка зрения обнаруживает особую свою живучесть среди специалистов-естественников, основывающихся на предвзятом мнении буржуазных археологов. Следует подчеркнуть, что в данном случае речь идет именно о мнении, но не об археологических фактах, уважение к которым со стороны специалистов-естественников и привело последних к досадному некритическому отношению к археологической литературе, где ни один факт на деле не выступает в качестве только факта, но всегда в определенной интерпретации. В данном случае интерпретация, мнение — были приняты за факты.

Отражая состояние научной разработки вопроса в своей научно-популярной работе, один из специалистов-естественников, П. В. Серебровский, пишет: „вопрос стал куда более ясным, особенно после работ американской экспедиции Института имени Карнеджи, под руководством геолога Пемпелли в Закаспийском крае близ Анау около Асхабада, равно, как и разных других исследова-

телей в различных странах. Близ Анау найдены богатые остатки неолитического человека, равно как и позднейших времен вплоть до н. э. Здесь же оказалось возможным установить и время отложения различных слоев. Оказывается, что самые нижние слои отлагались тысяч за 11 до нашего времени. Тщательное изучение их показывает, что очень многое из того, что в Европе появилось как бы внезапно, в действительности постепенно развивалось здесь и, очевидно, было занесено в Европу азиатскими народами, которые многократно, как это известно, и позднее выселялись в Европу. Данные раскопок не единичны для суждения о происхождении домашних животных: мы можем пользоваться и чисто зоологическими данными¹.

И, далее, опираясь на эти данные о раскопках в Анау, автор решительно делает один за другим следующие выводы:

„Скот времени свайных построек в Европе был непохожим на европейского тура, но после изучения остатков при Анау установлено совершенно точно, что это был тот же самый короткорогий скот... Таким образом, короткорогий скот не „с неба свалился“ в Европу, а был заимствован из Азии, где произошел от дикого тура“².

„Почти одновременно с азиатским туром, как показывают раскопки при Анау, была постепенно получена свинья... это решает загадку как бы внезапного появления в Европе прирученных свиней и служит указанием на переселение народов из Азии в Европу“³.

„Раскопки при Анау дают нам очень недурную картину приручения овец... Таким образом, и эта последняя в Европу пригнана из Азии“⁴.

„Можно уверенно говорить, что переселенцы в Европу привели с собой из Азии собаку, которая неизвестна для Анау, по крайней мере из ранних отложений“⁵.

Основанием всех упомянутых выводов служат: 1) большая, якобы, древность соответствующих отложений в Анау, где были найдены остатки домашних животных, в сравнении с европейскими, 2) „известное нам“ многократное переселение народов из Азии в Европу, 3) резкое отличие домашних животных Европы от диких их сородичей.

П. В. Серебровскому, как не-специалисту археологу, не могло быть известно, что археологические датировки не только очень приблизительны, но, кроме того, и очень спорны, а в подавляющем большинстве случаев и весьма сомнительны. Р. Пёмпелли датировал интересующий автора слой 8000 г. до н. э. Как отмечает специалист-археолог В. В. Гольмстен, „впоследствии оказалось, что американские датировки культур Анау не выдерживают никакой критики, что они сильно преувеличены и что появление домашнего скота в Азии отнюдь не предшествовало появлению его в Европе“⁶. Однако, и новейшие поправки

¹ П. В. Серебровский. Откуда произошли животные? 1930, стр. 32—33. *Разрядка автора*.

² П. В. Серебровский. Откуда произошли животные? 1930, стр. 34.

³ Там же, стр. 35—36.

⁴ Там же, стр. 38.

⁵ Там же, стр. 39.

⁶ В. В. Гольмстен. К вопросу о древнем скотоводстве в СССР. Сб. „Проблема происхождения домашних животных“, вып. I, 1933. Изд. АН СССР, стр. 96.

внесены, конечно, на основе общепринятого в буржуазной археологии формального анализа археологических остатков, так что никак не могут быть признаны в качестве окончательных и вполне точных. Одно несомненно, даже с точки зрения буржуазных археологических приемов датировки, возраст Анау, гипнотизирующий своей первоначальной датировкой, предложенной в виде огромной цифры в 8000 лет до н. э., должен быть сильно снижен. Так, керамика из Анау, изучение которой служит одним из оснований для датировки, обнаруживает поразительное сходство с находками из Суз, Яншао и Триполья. Сузскую керамику так наз. 2-го стиля, полную аналогию которой и представляют изделия из Анау, датируют 2500—2000 гг. до н. э. (Потье); керамику из Яншао — 3000 г. до н. э. (Андерсон); трипольскую — 3000—2000 гг. до н. э. Названные датировки правда, также спорны, если не сомнительны, но бесспорно сходство самих памятников, предметов из раскопок в упомянутых районах. Это обстоятельство, принимая во внимание, что сходство касается не общих, основных признаков, а деталей, дает буржуазным археологам основание к тому, чтобы говорить если и не об одновременности существования в прошлом соответствующих культур, то о приблизительном совпадении во времени. На деле вне сомнения находится лишь однотипность упомянутых и подобных им памятников по ступени развития представляемых ими древних обществ. В связи с этим, всякие догадки по вопросу о том, какие из культур являлись очагом и центром распространения своего влияния на другие районы сходной культуры, приходится решительно отбросить в сторону. Подобные догадки не опираются ни на какие прочные научные основания. Они основаны на ложной методологической посылке, связанной со стремлением буржуазных исследователей, хотя бы и бессознательным, устранить необходимость признания диалектического скачка в развитии культуры. Именно исходя из этой посылки, буржуазные археологи прибегали и прибегают к теории миграций, влияний и заимствований, перенося источник движения, его мотив „во вне“.¹

Незаметно для самого себя, П. В. Серебровский остается по существу во власти предвзятой идеи, воспринятой им из области формалистической археологии, когда он высказывается в том смысле, что азиатские народы в глубочайшей древности многократно, „как это известно“, выселялись в Европу (стр. 33), а несколько далее, говоря о приручении свиньи, утверждает, будто бы его вывод о заимствовании свиньи в Европу из Азии „служит указанием на переселение народов из Азии в Европу“ (стр. 36). Таким образом, П. В. Серебровский первоначально принимает древнее переселение из Азии за доказанное, а затем, соответственно построив свои выводы, подтверждает последними „факт“ переселений. Не точно установленные факты, а мнение — лежит в основании его доказательств.

Археологические датировки не могут быть приняты на-веру, без критики. Они основаны, во-первых, на формальном сравнении, во-вторых, на предвзятой идее обязательного заимствования или переселения нового народа, в тех случаях, когда подлежит объяснению скачок в развитии, отразившийся в веществен-

¹ См. по этому вопросу мою статью „К итогам всероссийского археолого-этнографического совещания“, Сообщения ГАИМК, 1932, № 11—12.

ных памятниках. В интересах выяснения действительной истории одомашнения животных, необходимо анализировать археологический материал по существу, обращаясь к исследованию данных отдельных районов, без предвзятой идеи о заимствованиях, влияниях и переселениях, которые, если где и имели место, то в каждом случае необходимо установить и доказать, но не „допускать“ в качестве данного или доказанного заранее.

Второй существенный вопрос, относящийся к проблеме одомашнения животных, заключается в том, какие именно основные виды были одомашнены ранее, какие позднее. В упомянутой выше работе В. В. Гольмстен решает этот вопрос в том смысле, что первыми домашними животными следует считать свиней, коз, овец и т. п., т. е. мелкий скот.¹ В этом своем утверждении автор опирается на археологические данные из раскопок памятников — могильников фатьяновского типа и панфиловской стоянки Владимирского района,² с одной стороны, на некоторые этнографические данные — с другой.³

Памятники и фатьяновского и панфиловского типов на территории Восточной Европы отнюдь не являются по своему характеру древнейшими, где обнаруживаются остатки домашних животных. Они всецело относятся к так наз. бронзовому веку. По общему облику своего инвентаря, они безусловно моложе памятников трипольских, примыкающих к последним, так наз. ямных, и примыкающей сюда же федоровской стоянки. Все три упомянутых категории памятников, каковы бы ни были колебания в их абсолютной датировке, так или иначе примыкают к неолиту, и в этом отношении представляют для решения поставленного выше вопроса особый интерес. Дело в том, что домашние животные появляются в период времени развития соответствующих обществ, вещественными остатками которых и служат упомянутые памятники. Это обстоятельство дает возможность утверждать, что приручение и одомашнение животных совершилось в Восточной Европе где-то на грани неолита и введения в обиход человеком меди и бронзы. Как увидим далее, этот вывод не расходится с данными, относящимися к Западной Европе и Азии. Если оставить в стороне вопрос о собаке, одомашнение которой признается обычно наиболее ранним, стоянки типично неолитического облика еще не дают никаких остатков домашних животных. Таков, напр., неолит, открытый В. Б. Антоновичем в 1876 г. на берегах Днепра,⁴ Коломцовская стоянка, открытая в Новгородском районе В. С. Передольским,⁵ Балахинская стоянка, открытая в 1902 г. В. И. Каменским,⁶

¹ В. В. Гольмстен. К вопросу о древнем скотоводстве в СССР. Сб. „Проблемы происхождения домашних животных“, вып. I, 1933. Изд. АН СССР, стр. 91.

² Там же, стр. 91—92.

³ Там же, стр. 92—95.

⁴ В. Б. Антонович. Археологические находки и раскопки в Киеве и в Киевской губ. в течение 1876 г. Чт. в Ист. общ. Нестора Летописца, т. I, стр. 249. — Ср. В. В. Хвойка. Каменный век среднего Приднепровья, Тр. XI Археол. съезда, т. I, стр. 754—763.

⁵ В. С. Передольский. Бытовые остатки насельников Ильменско-Волховского побережья и земель Велико-Новгородского державства Каменного века, СПб., 1893. — Его же: Новгородские древности, Новгород, 1898.

⁶ В. И. Каменский и А. А. Спицын. Раскопки близ г. Балахны, Зап. Отд. русск. и слав. археол. Русск. Археол. общ., т. V, вып. I, СПб., 1903, стр. 94—98. — А. А. Спицын. Стоянка каменного века близ г. Балахны, там же, т. VII, вып. I, СПб., 1905, стр. 16.

Дубровицкая стоянка, открытая В. А. Городцовым возле Рязани,¹ исследованный им же в 1901 и 1903 гг. неолит в Изюмском и Бахмутском районах,² Бологовская стоянка, открытая П. А. Путятиным,³ Крымские стоянки, исследованные К. С. Мережковским,⁴ стоянка на р. Юге в районе Чухломы⁵ и т. д. Типично неолитические слои в собственном смысле в Западной Европе и в упомянутом выше знаменитом Анау дают ту же картину — костей домашних животных в них не обнаружено.

Совершенно иную картину дают поселения и погребения времени перехода от камня к металлу. Именно в этот период, когда инвентарь поселений и погребений продолжает еще сохранять общий неолитический облик, но в употребление входит уже металл, в обработке которого первоначально практиковались те же технические приемы, с какими приходится сталкиваться при изучении неолита, появляются первые одомашненные животные, т. е. совершился тот диалектический скачек, который, как ниже увидим, кладет грань между охотой и скотоводством.

Не следует при этом, конечно, представлять себе историю одомашнения животных так, что стада домашних животных появились сразу, как бы в готовом виде. Единичные случаи одомашнения могли иметь место и ранее указанного времени, как, вместе с тем, самый процесс одомашнения отдельных экземпляров животных продолжался и много позднее. Но такого рода явления не образуют собою рубежа, с которого исторически начинается скотоводство. Правильно подмеченный буржуазными археологами факт как бы внезапного появления скотоводства иногда смешивается нашими новейшими исследователями с интерпретацией этого факта. Отвергая последнюю, как явно неприемлемую, такие исследователи отбрасывают в сторону и самый факт. В итоге они сами становятся на неверный путь анализа археологических материалов, скатываясь к механистическому пониманию развития, а то и к буржуазному эволюционизму. Тем самым они лишь иными приемами отрицают в своих построениях диалектический скачок в развитии общества.

Бесспорные и чрезвычайно показательные данные извлекаются из материалов Триполья. Фаунистический материал исследован специалистом. С полным основанием последний пишет: „думается, что в будущем ни один исследователь истории какого-нибудь домашнего животного не сможет обойтись без фактов, доставляемых в этой области Трипольской культурой“.⁶ Основные

¹ В. А. Городцов. Жилища неолитической эпохи в долине р. Оки. Тр. VIII Археол. съезда, т. III, стр. 161—199.

² В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Изюмском у., Харьковск. губ., 1901, Труды XII Археол. съезда, т. I, стр. 176. — Его же: Результаты археол. исслед. в Бахмутском у. Екатеринос. губ. 1903, Труды XIII Археол. съезда, т. I, стр. 217.

³ А. А. Спицын. Бологовская стоянка каменного века. Зап. Отд. русск. и слав. археологии РАО, т. V, вып. I, СПб., 1903, стр. 239—277.

⁴ К. С. Мережковский. Отчет об исследовании каменного века в Крыму. Изв. РГО, т. XVI, вып. 2, стр. 106—146.

⁵ А. В. Збруева. Стоянка на р. Юге Чухломск. у., Костромск. губ. Тр. секции археологии, Рангун, т. IV, 1928, стр. 240.

⁶ В. И. Громова. Материалы к познанию фауны Трипольской культуры. Ежег. Зоол. музея АН СССР, 1927, стр. 85.

выводы, полученные по интересующему нас вопросу исследователем Трипольской фауны, сводятся к тому, что „первенствующую роль в остатках играют кости домашнего быка, составляя в Криничках 67% всех костей (в других районах — несколько меньше) ... На втором месте стоят мелкий рогатый скот и домашняя свинья“, ¹ „крупный бык из Криничек и Сушковки отличается значительной вариацией всех костей в размерах. Таблицы показывают, что некоторые кости ... не уступают в размерах дикому туру. Все же мы решаемся отнести их к домашней форме“. ² К этим выводам необходимо добавить следующие соображения: 1) уже первый исследователь трипольских памятников, В. В. Хвойка, представил ряд неопровержимых доказательств автохтонности трипольской культуры и глубоких местных исторических корней; ³ 2) обращает на себя внимание яркий след культа быка в Триполье, памятниками которого являются многочисленные изображения быков и голов быка, амулеты в виде зубов быка, фигурки быков и коров, ритуальное значение которых не вызывает никаких сомнений; ⁴ культ быка в Триполье сигнализирует о том, что знакомство трипольцев с быком задолго предшествовало одомашнению этого животного; 3) в полном соответствии с этим наблюдением находится факт сохранения у трипольцев значения за охотой, которая продолжала играть существенную роль в их хозяйстве; ⁵ 4) на территории В. Европы водился не только тур (*bos primigenius*), но и бык торфяниковый (*bos brachyceros* Rüt.), кости которого, например, были найдены при исследовании Бологовской неолитической стоянки; ⁶ таким же образом, на территории В. Европы водились дикий кабан, от которого произошла позднее домашняя свинья, и дикая коза, от которой произошла домашняя; ⁷ 5) обращает на себя внимание широкое распространение трипольских памятников, район которых охватывает тер-

¹ Там же, стр. 88.

² Там же, стр. 91—92.

³ В. В. Хвойка. Поля погребений в Среднем Приднепровьи. Зап. Русск. Археол. общ., т. XII, вып. 1—2, СПб., 1901, стр. 187—190. Его же: Из области Трипольской культуры. Археол. Летопись Южн. России, 1904, № 4—5, стр. 226. Его же: Каменный век среднего Приднепровья. Тр. XI Археол. съезда, т. I, стр. 736—812. Его же: Раскопки 1901 г. в области Трипольской культуры. Зап. Отд. Русск. слав. арх. РАО, т. V, вып. 2, 1904, стр. 1—25. Его же: Городища среднего Приднепровья, их значение, древность и народность. Тр. XII Археол. съезда, т. I, стр. 93—104. Его же: Начало земледелия и бронзовый век в среднем Приднепровьи. Тр. XIII Археол. съезда, т. I, стр. 1—8. Его же: Обряд погребения с сожжением и его древность, К., 1906, стр. 1—11.

⁴ Э. Штерн. Доисторическая греческая культура на юге России. Тр. XIII Археол. съезда, т. I, стр. 29, 31, 36. — В. Козловська. Кераміка культури А. Сб. „Трипільська культура на Україні“, вып. I, К., 1926, стр. 48—49, 57—59. — М. Гамченко. Спостереження над даними Трипільської культури, 1909—1913 рр., там же, стр. 36. — С. Магура. Питання пабути на підставі залишків Трипільської культури, там же, стр. 102—103. О ритуальном характере этих предметов — Э. Штерн, указ. соч., стр. 40. — В. Козловська, указ. соч., стр. 59. — А. Скриленко. Глиняные статуэтки домикенской культуры, открытые в Среднем Приднепровьи. Тр. XIII Археол. съезда, т. I, стр. 150.

⁵ См., напр., В. В. Хвойка. Раскопки 1901 г. в области Трипольской культуры. Зап. Отд. русск. слав. археологии РАО, т. V, вып. 2, 1904, стр. 13, 15, 16, 17, 18, 19, 21, 22.

⁶ А. А. Спацын. Бологовская стоянка каменного века, там же, т. V, вып. I, СПб., 1903, стр. 248.

⁷ Э. Штерн, указ. соч., 33—34.

риторию Украины, Восточную Галицию, Буковину, Румынию, Венгрию и Боснию.¹

Исходя из всех этих данных, мы можем утверждать: 1) первыми домашними животными у трипольцев являлись бык и свинья, а на ряду с ними — коза; 2) приручение быка у древних трипольцев совершилось никак не позднее, а скорее — ранее приручения козы и вообще мелкого рогатого скота и свиньи; 3) древним трипольцам не было надобности откуда-нибудь заимствовать уже одомашненных животных; на месте имелись все те основные породы диких животных, которые позднее были одомашнены трипольцами; трипольцы познакомились с этими животными, когда последние находились еще в состоянии дикости, еще в процессе охоты, на предшествующей ступени культуры.

Исследование данных так наз. ямных погребений сопряжено с известными трудностями. Исследуя ямные погребения В. А. Городцов в большинстве случаев находил их в тех же самых курганах, где были заключены и катакомбные погребения, признанные им более поздними. Важнейшими показателями, служившими у него для разграничения ямных и катакомбных погребений и для отнесения первых к более ранним, вторых — к более поздним, служили: 1) тип погребения. 2) % нахождения в могилах каменных и металлических предметов.² Прочие возможные признаки (ориентировка костяка, керамика и проч.), хотя и принимались В. А. Городцовым во внимание, но играли в его классификации лишь подсобную роль. Соглашаясь, вопреки возражениям новейших исследователей, с В. А. Городцовым в основном, нельзя не отметить, однако, что существовал период времени, когда ямные и катакомбные погребения сосуществовали. Только часть ямных погребений может быть выделена в качестве безусловно древнейших. Об этом обстоятельстве сигнализирует керамика ямных погребений, резко отличающаяся от керамики части катакомбных погребений. Как указывает П. П. Ефименко, ямная керамика, помимо своей особой, отличной от катакомбной, орнаментации, имеет свои особенности и в значительных размерах и в формах дна: последнее связывает ямную керамику с особой формой жилища, т. е., следовательно, с особыми формами быта, с более ранней ступенью развития общества. Ямная керамика была приспособлена только для такого примитивного жилища, которое имело мягкий, земляной пол. Острый, округлый конец ямных сосудов врывался, вкапывался в земляной пол первобытного жилья. Иное представляет более совершенная керамика катакомбных погребений. Ямной керамике, которая, казалось бы, могла бы, однако, сосуществовать с катакомбной, в точности отвечает керамика среднего Приднепровья, как указывает далее П. П. Ефименко; в этом

¹ И. А. Линниченко и В. В. Хвойка. Сосуды со знаками из находок на площадках Трипольской культуры. Зап. Одесск. общ. ист. и древн., т. XXIII, 1901, стр. 199. — В. В. Хвойка. Раскопки 1901 г. в области Трипольской культуры. Зап. Отд. русск. и слав. археологии РАО, т. V, вып. 2, стр. 1. Его же: Из области Трипольской (древне-арийской) культуры. Археол. Летопись Южн. России, 1904, № 4—5, стр. 222. — Э. Штерн. Доисторическая греческая культура на юге России. Тр. XIII Археол. съезда, т. I, стр. 10—11, 37—48. — В. Козловська. Кераміка культури А. Сб. „Трипільська культура на Україні“, вып. I, стр. 139—140. — В. Щербаківський. Тілопальні точки і мальована кераміка, там же, стр. 130—134 и др.

² В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде, Харьковской губ., 1901, Тр. XII Археол. съезда, т. I, стр. 179.

случае следов одновременного существования обоих типов сосудов не обнаруживается. Таким образом, принимая также во внимание соображения В. А. Городцова, некоторую часть ямных погребений Изюмщины необходимо выделить в качестве безусловно более древних. Впрочем, это предполагал и сам В. А. Городцов, оговорившись, что затрудняется лишь, по отсутствию достаточных показателей, подразделить каждую из двух групп погребений, ямных и катакомбных, еще на две подгруппы. Некоторые признаки выделения части ямных погребений в группу древнейших он, тем не менее, указал. Имеется ли, однако, безусловная необходимость разграничения на отдельные подгруппы, резко различая между собой, ямных и катакомбных погребений, делить эти последние? Нельзя не подметить весьма существенных показателей, говорящих в пользу разграничения всех погребений обоих названных типов погребений всего на 3, а не на 4 группы, иначе говоря, выделить из числа ямных и катакомбных погребений некоторую среднюю, переходную группу. Показатели эти следующие: 1) некоторые ямные погребения оказываются несомненно более поздними, чем катакомбные,¹ 2) ряд катакомбных и ямных погребений настолько тесно связаны между собою, что трудно их разграничить во времени и рассматривать совершенно раздельно,² 3) в некоторых катакомбных погребениях имеются или сосуды или обломки ямного типа; наряду с этим, в них встречаются куски смолы, явно напоминающие о неолите в более его архаической форме, когда смола использовалась для прикрепления каменного орудия к рукоятке, придавая большую прочность охватывавшей в месте прикрепления орудие и рукоятку — обмотке;³ 4) ориентировка костяков части ямных погребений, аналогичная ориентировке в катакомбных погребениях (на Ю или ЮЗ) и прямо противоположная практике значительной части ямных погребений (на СВ и В).

Отнюдь не беря на себя задачи разграничения на три категории всех без исключения ямных и катакомбных погребений, ограничимся констатированием самого факта существования названных 3 категорий, отмечая, что средняя из них, промежуточная, ближе к древнейшей, чисто ямной, и определим, с точки зрения отмеченных выше показателей, характер тех ямных и катакомбных погребений, в которых найдены остатки домашних животных.

В собственно ямных погребениях Изюмщины В. А. Городцовым остатки домашних животных констатированы 4 раза: в одном случае — кости теленка, во втором — овцы, в третьем — овцы и коровы, в четвертом — овцы. Во всех четырех случаях В. А. Городцов признает, что соответствующие погребения относятся к числу позднейших.⁴ В трех из отмеченных случаев ориентировка костяка была необычна для собственно ямных или древнейших погребений. Ямные погребения древнейшего типа, по признанию В. А. Город-

¹ В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде, Харьковской губ. Тр. XII Археол. съезда, т. I, напр. стр. 242.

² Там же, не менее 12 погребений, стр. 294, 295, 307, 308—309, 311, 317, 322—323, 325—326, 327—328, 329, 333—334, 337—338.

³ Там же, напр., стр. 238.

⁴ Там же. Ковалевка, курган № 3, погр. № 1, 2, стр. 180; там же, погр. № 5 в кургане № 11, стр. 188; Каменка, кург. № 2, погр. № 3, стр. 188.

цова, носят облик типично рыболовно-охотничьих, но не скотоводческих или земледельческих.¹

Обращаясь к катакомбным погребениям Изюмщины, констатируем: 1) погребение № 3—5, кургана № 3, района экономии Урусова, содержит кости коровы и овцы; горшок ямного типа, кусок смолы — должно быть выделено в категорию промежуточных;² 2) погребение № 7—9, там же, содержит кости коровы и овцы, обломок сосуда ямного типа;³ 3) погребение № 2—3, там же, кости коровы, сосуд ямного типа;⁴ 4) погребение № 8, кургана № 1, в имении Хаджопуло в поле Верхн. Степок, кости коровы, сосуд ямного типа;⁵ 5) погребение № 2—3, кургана № 1, близ хутора Шпакова, кости коровы; вещей — не найдено; погребение связано с ямными;⁶ 6) погребение № 5, кургана № 2, там же, кости овцы, тонкие осколки кремня, обычные при отбросах неолитических мастерских; погребение связано с ямным;⁷ 7) погребение № 5, кургана № 9, там же, кости овцы, кусок смолы; вероятно, погребение связано с ямным⁸ и т. д. Таким образом, перечисленные погребения катакомбного типа, содержащие остатки домашних животных, также должны быть отнесены к числу переходных или промежуточных.

Остальная часть катакомбных погребений, в том числе и с остатками домашних животных, вероятно, относится к третьей, собственно катакомбных погребений, категории. В этом убеждает и характер подобных погребений в районе Бахмута, исследованных В. А. Городцовым в 1903 г. В них найдены остатки коровы, овцы, козы и лошади.⁹

Другая трудность изучения ямных и катакомбных погребений с интересующей нас стороны заключается в том, что положенные в могилу остатки животных ни в коем случае не приходится здесь рассматривать в качестве только пищи, сопровождавшей покойников. Более внимательное рассмотрение изюмских погребений убеждает в наличии особого ритуального смысла и значения положенных в могилы костей животных. Во-первых, помимо того, что кости животных были находимы в непосредственной близости с костями человека, обычно они лежали, кроме того, еще на ступеньках ямы перед входом в катакомбу, перед досками, закрывавшими этот вход. В этом случае положение домашних животных, чаще всего головы, также ног, никак не могло являться выражением желания „накормить“ покойника, но означало что-то иное, какую то символизацию особого рода. Во-вторых, кости только коровы или только овцы содержатся в тех погребениях, где находится один костяк; кости коровы и овцы (вместе) содержатся в коллективном погребении мужчины

¹ В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде, Харьковской губ. Тр. XII Археол. съезда, т. I, стр. 188.

² Там же, стр. 238.

³ Там же, стр. 240.

⁴ Там же, стр. 235—236.

⁵ Там же, стр. 282—283.

⁶ Там же, стр. 307.

⁷ Там же, стр. 309—310.

⁸ Там же, стр. 317—318.

⁹ В. А. Городцов. Результаты и Дневник исследований в Бахмутском уезде, Екатеринославской губ., 1903, Тр. XIII Археол. съезда, т. I, стр. 223, 225, 227, 233, 287, 300, 306, 329, 354.

и женщины.¹ Возникает вопрос, не существовало ли связи между фактами того и другого порядка, т. е. между положением животных перед входом в могилу и положением обоих видов животных только в случае одновременного захоронения мужчины и женщины? В порядке предположения, поскольку твердая уверенность требует проверки этого на большем количестве фактов, мы склонны решать этот вопрос в положительную сторону. Если добавить сюда, кроме того, факт обычной посыпки в погребения красной краской (цвет коровы?) и извести (цвет овцы?), то не явится ли возможным предполагать, что мы имеем в данном случае дело с родовыми знаками пары покойников, мужчины и женщины, принадлежавших к разным родовым группам? не восходит ли данный обычай в конечном счете к тотемизму? Если бы эти предположения оправдались, можно было бы утверждать, что население — носитель культуры, остатки которой представлены ямно-катакомбными погребениями, приобрело знакомство с коровой и овцой еще в период охотничьего хозяйства.

Если, однако, сказанное в части предположительных выводов нуждается в дальнейшем проверке, то из наблюдаемых фактов особого ритуала погребения в ямные и катакомбные могилы домашних животных следует один несомненный вывод: приоритета перед другими животными коровы и овцы у ямно-катакомбного населения названные погребения не доказывают, так как в могилу клались лишь те предметы, присутствие которых требовалось ритуалом. Эти памятники не отражают полной картины жизни и бытовой обстановки соответствующего общества. Зато с полной уверенностью можно говорить, что это общество имело одомашненный крупный рогатый скот наряду с мелким.

На основании изучения ямно-катакомбных погребений было бы соблазнительно сделать и еще один вывод, касающийся вопроса о развитии соответствующего общества. Ответ на такой вопрос, если бы мы могли этот ответ получить, для разработки проблемы одомашнения животных имел бы не мало-важное значение.

Как показывает изучение материала названных погребений, в древне-ямных погребениях ни разу не встречается случай захоронения в могиле мужчины и женщины совместно. В немногих случаях коллективного погребения в ямах мы имеем захоронение женщины и ребенка. Во всех остальных случаях приходится иметь дело с единичным, индивидуальным погребением. Напротив, для катакомбных погребений захоронение в одной могиле мужчины и женщины — не редкость. В этом нельзя не усмотреть известной закономерности. Объяснение может идти по той линии, что во всех случаях древне-ямных погребений приходится считаться с фактом существования когнатического, материнского рода, во всех случаях же катакомбных погребений — агнатического, отцовского рода. В период существования последнего жена должна была навсегда стать членом рода своего мужа. Отсюда могло вытекать правило погребения женщины в одной могиле или вообще на одном кладбище с мужчиной. Напротив, во времена когнатического рода прежние родовые

¹ В некоторых случаях, которые пришлось исключить, костяки оказались столь разрушенными, что невозможно было определить ни пола, ни даже количества захороненных.

связи все еще сохранялись, и женщина продолжала считаться представительницей одного, мужчина — другого рода. В таком случае, их совместное погребение было бы невозможно.¹ Отсюда следовало бы, что период ямно-катакомбных погребений, по нашей классификации — переходный, промежуточный, представляет время начальной стадии развития агнатического рода, когда мужчина только что успел захватить права главы рода в свои руки. Это объяснило бы, пожалуй, и наличие двух животных, коровы и овцы, только в тех погребениях, где одновременно были захоронены мужчина и женщина. Память о прежних родовых связях должна была на этой ступени развития общества быть еще очень сильна. Именно это обстоятельство и могло играть роль в образовании подмеченного нами обряда.

К сожалению, материал изюмских погребений не настолько значителен и ясен, чтобы превратить высказанное предположение в уверенность. Вопрос нуждается в дальнейшем изучении, а сделанный предположительный вывод — в дальнейшей проверке, хотя он и кажется вполне правдоподобным, т. е. соответствует возможности возникновения скотоводства в момент смены когнатического рода агнатическим.

Третьим древнейшим памятником, свидетельствующим об одомашнении животных, на территории Восточной Европы является Федоровская стоянка. По характеру керамики, на основании сравнительных данных, М. Е. Фосс датирует ее временем около 2500 г. до н. э.² Следует заметить, что орнаментация сосудов не напоминает трипольских, равно и ямно-катакомбных, но по своей форме эти сосуды — круглодонные или остро-донные,³ т. е. приспособлены к периоду быта, аналогичному быту древнейшего трипольского и ямно-катакомбного населения. Изучение инвентаря Федоровской стоянки, еще до находки костей домашних животных, позволили А. Я. Брюсову сделать вывод о скотоводческом характере хозяйства федоровцев.⁴ Дальнейшие исследования стоянки подтвердили это в полной мере. Ныне известно, что население Федоровской стоянки имело одомашненных лошадей, корову и овцу.⁵

Таким образом, изучение древнейших памятников скотоводства на территории СССР отнюдь не подтверждает вывода В. В. Гольмстен, будто бы первыми одомашненными животными в Восточной Европе были мелкие животные, как овца и коза, а с ними и свинья. Напротив, крупный рогатый скот во всех случаях занимает с овцой и свиньей вполне равноправное место, если даже не преобладающее, о чем можно думать, судя по трипольским памятникам.

После всего сказанного стоит ли напоминать, что раскопки знаменитых свайных построек в Зап. Европе и раскопки в Анау дают ту же самую картину.

¹ Состояние отношений в агнатическом роде хорошо отмечено следующим рассуждением библейской Руфи: „Куда ты пойдешь, туда и я пойду, и где ты жить будешь, там и я жить буду, народ твой будет моим народом, а твой бог — моим богом“ (Быт., гл. I, ст. 16).

² М. Е. Фосс. Керамика Федоровской стоянки. Тр. Секции Археол., Ранион, т. IV, 1928, стр. 517.

³ Там же, стр. 507.

⁴ А. Я. Брюсов. Федоровская стоянка, Там же, т. II, стр. 31—32.

⁵ В. А. Городцов, там же, т. III, стр. 43. — М. Е. Фосс, там же, т. IV, стр. 517.

Третий вопрос заключается в том, при каких условиях и как было осуществлено одомашнение человеком животных.

Ответ на данный вопрос мы отчасти черпаем из рассмотрения того же археологического материала, который был приведен выше. Триполье указывает на обстановку охоты, на знакомство с животными, впоследствии одомашненными, еще в условиях охотничьего хозяйства, которое отнюдь не следует себе представлять, как это делает В. В. Гольмстен, в качестве обязательно бродячего и вполне подвижного.¹ Напротив, как это показал П. П. Ефименко, еще в эпоху отмеченную памятниками ориньякского типа, стала возникать оседлость.² Ямно-катакомбные памятники также указывают на обстановку охоты. Обстановка, непосредственно предшествующая одомашнению животных, — вполне охотничья. Для типично неолитических стоянок характерно наличие соответствующего инвентаря, явно указывающего на охоту, и костных остатков различных диких животных; кости последних, при том оказываются обычно расколотыми, что свидетельствует не о промысловом, а именно о мясном, примитивном характере неолитической охоты. В. А. Городцов отмечает характерную темную окраску, свойственную слоям почвы, содержащим неолитические остатки; эту окраску он объясняет тем, что человек соответствующего времени широко практиковал организованные, систематические пожары, которые производил с целью охоты.³ Если обратиться к памятникам эпохи гораздо более поздней чем та, которая представлена трипольскими, ямно-катакомбными и федоровскими памятниками, т. е. к периоду, когда одомашнение животных, казалось бы, уже давно совершилось, то и в данном случае обнаружим ярко выраженные следы значительной роли охоты в хозяйстве обществ, прошлое которых представлено вещественными остатками. Так, напр., в Галичской стоянке, значительно более поздней, чем Федоровская, никаких следов земледелия и скотоводства, за исключением случайной находки костей одной лошади, не имеется. По характеру всего инвентаря приходится считать, что главным занятием населения были охота и рыболовство.⁴ Сильно выраженный охотничий облик имеет и Младшая Волосовская стоянка,⁵ равно сходная с Галичской и Мл. Волосовской — стоянка на р. Юге в районе Чухомы; кости домашних животных здесь найдены не были.⁶ Обращаясь к еще более поздним памятникам, как Старшее Каширское городище, опять-таки, на ряду со следами скотоводства, обнаруживаем ярко выраженную, при том значительную роль охоты.⁷

¹ В. В. Гольмстен. К вопросу о древнем скотоводстве в СССР. Сб. „Проблема происхождения домашних животных“, вып. I, изд. АН СССР, стр. 89—90.

² П. П. Ефименко. Значение женщины в ориньякскую эпоху, Изв. ГАИМК, т. XI, вып. 3—4, 1931, стр. 33 и след.

³ В. А. Городцов, Археология, т. I, 1923 (на обложке 1925), стр. 378—379.

⁴ В. А. Городцов. Тр. Секции археологии, Ранион, т. III, стр. 43.

⁵ В. А. Городцов. Археологические исследования в районе г. Муром, в 1910, Древности, т. XXIV, стр. 40—216.

⁶ А. В. Збруева. Стоянка на р. Юге, Чухомск. у., Костромской губ., Тр. Секции археологии, Ранион, т. IV, стр. 240.

⁷ В. А. Городцов. Старшее Каширское городище, Изв. ГАИМК, вып. 85, 1934, стр. 12, 14, 19, 22—28 и след.

Ровесник по возрасту Старшему Каширскому городищу, городище у деревни Прислон, тоже обнаруживает, на ряду со следами скотоводства, следы охоты, несомненно играющей весьма существенную роль в жизни населения.¹ Наконец, еще более поздние памятники, так наз. городища Дьякова типа, постоянно обнаруживают следы охоты.²

Таким образом, именно в условиях охоты, приходится искать ответа на поставленные выше вопросы.

Соответствующая гипотеза о возникновении скотоводства из охоты уже давно была высказана в литературе предмета. К сожалению, ей в свое время „не повезло“. Для ее обоснования фактов „оказалось“ не достаточно. Так, например, считали К. Вейле, Г. Шурц и др. буржуазные историки первобытной культуры и этнографы. Однако, не мешал ли находить соответствующие факты, искать их и обращать на них внимание — буржуазным исследователям их идеализм? Даже благожелательно настроенный по отношению к этой гипотезе Н. Зибер ограничился простой декларацией: „постепенное приручение стадных животных, пойманных на охоте, ведет, при благоприятных условиях местности (Азия, Африка, но не Америка), к превращению охотничьей общины отчасти или всецело в пастушескую“.³ Н. И. Зибер не только не сумел обосновать свою гипотезу каким-либо конкретным материалом, но в своих дальнейших рассуждениях по данному вопросу высказал немало наивностей, не заслуживающих серьезного внимания.⁴

Сравнительно не так давно гипотеза о происхождении животноводства из охоты вновь была высказана В. Г. Богоразом-Таном, который сделал удачную попытку обоснования этой гипотезы на конкретном этнографическом материале и внес в нее значительные уточнения.

„Крупное животноводство, — говорит он, — вырастает другим путем из охоты на крупных травоядных. Оно развивается в степи, в травянистой пустыне. В отличие от раннего земледелия, оно связано с непрерывными передвижениями и относится всецело к мужской работе. Животные, загнанные в изгородь посредством облавы, были убиваемы не сразу. Старых быков и коров сохраняли хотя бы для того, чтобы иметь побольше свежего мяса, но особенно сохраняли маленьких. И таким образом перешли постепенно от копченого и вяленого запаса пищи к запасу живому. Так из охоты загоном развилось первое приручение крупного скота, которое в этнографии так и называется „огораживание“. Насколько можно судить по стенным картинам, у египтян в раннюю эпоху существовало именно такое огораживание, при чем в обширных их загонах, простиравшихся на многие десятки километров, содержались не только коровы и овцы, но также антилопы с длинными рогами, ныне опять одичавшие. Сибирские крестьяне на Алтае в Саянах в последние полвека стали развивать новое животноводство, разведение марала или

¹ Л. А. Евтюхова. Городище у дер. Прислон. Тр. секции археологии, Ранион, т. IV, стр. 215—216.

² А. А. Спицын. Городища Дьякова типа. Зап. Отд. русск. и слав. археол. РАО, т. V, вып. I, СПб., 1903, стр. 116, 118, 120—122, 123, 125, 126—127, 130.

³ Н. Зибер. Очерки первобытной экономической культуры. Изв. Украины, 1923, стр. 21.

⁴ Там же, стр. 21—22.

изюбря, дающего драгоценные молодые рога (панты), продаваемые в Китай на лекарство. Маралов ловят живьем и содержат в обширных изгородах-пастбищах, только прикармливают сеном. Так же и диких слонов в Индии, на Цейлоне и в Индо-Китае ловят, загоняя в огромные и прочные изгороди. Потом их постепенно смиряют и приручают и далее приучают к работе. Прирученные слоны в неволе не плодятся... Приручение крупных травоядных возникает таким образом в степях, даже в пустынях. Когда огораживание не служит препятствием к размножению породы в неволе, первую стадию одомашнения можно считать преодоленной. Ограда становится излишней как для поимки новых животных, так и для сбережения старых. Охотник, отныне пастух, выходит из ограды со своим будущим стадом и начинает свободно ходить вместе с ним по степи, от пастбища к пастбищу. Стада, разрастаясь, рожают скотоводческий быт, так называемый номадизм".¹

Обосновывая эту гипотезу, В. Г. Богораз-Тан некритически следовал в то время буржуазной теории культурных кругов, которая и заставила его сохранить для других случаев старую гипотезу о приручении животных ради забавы.² Неприемлемость последней очевидна. Первобытный охотник выступает в свете ее так, как будто бы ради развлечения, в мифические часы досуга, он „изобрел“ приручение животных. Напротив, приведенная выше гипотеза В. Г. Богораз-Тана носит материалистический характер. Она способна объяснить возникновение животноводства и одомашнение животных вообще. Конечно, из практических, хозяйственных побуждений начал первобытный человек приручать животных, притом не путем „изобретательства“, а „стихийно“, от случая к случаю наталкиваясь на практическое, полезное значение животных, что в конце концов и привело к их одомашнению. Само собою разумеется, что этот процесс теснейшим образом был связан с общим развитием материального производства первобытного общества.

Аналогичные выводы об одомашнении животных из охоты, на примере собаки, выше оставленной в стороне, имеются и в археологической литературе. Так, отмечается, что уже в эпоху, представленную палеолитом, собака, очевидно, шла в пищу человека. Признаком этого служат „нарезки“, наблюдаемые на костях палеолитической собаки. Точно такие же „нарезки“, следы соскабливания мяса с костей, наблюдаются на костных остатках, в бесспорных случаях, других животных.³ Отсюда сделан вывод: „потребность в постоянных пищевых запасах явилась решающей в процессе приручения животных. Можно сказать, что приручение выросло из охоты“.⁴

Аналогичные данные о потреблении древней собаки в пищу в эпоху, отмечаемую верхним палеолитом, в Северной Азии также приводятся в археологической литературе.⁵

¹ В. Г. Богораз-Тан. Распространение культуры на земле. Гиз, 1928, стр. 83—84.

² Там же, стр. 82.

³ Сообщения ГАИМК, 1931, № 8, стр. 25—27.

⁴ Там же, стр. 27.

⁵ Г. П. Сосновский. Древнейшие остатки собаки в Северной Азии. Проблемы ист. мат. культуры, 1933, №№ 5—6, стр. 20.

Указанные этнографические и археологические факты существенно дополняются лингвистическими данными. Не раз касаясь в своих различных работах проблемы одомашнения животных и их хозяйственного использования, по данным языка,¹ Н. Я. Марр пришел к выводу, что термины, обозначающие домашних животных, напр., олень, собака, лошадь, также овца, козел, корова, бык — первоначально выступают с значениями частью — питания, частью — извоза, т. е. средств передвижения, или же с значениями и питания и извоза.¹ Не безинтересно отметить, что термины, обозначающие собаку, перенесены позднее, в ряде языков, по функции перевозки и передвижения, на оленя, лошадь, верблюда и т. д. Наряду с этим в русском, например, языке собака и соболь — слова-двойники: на соболя перенесено название собаки.² Последнее наблюдение указывает,³ что в более ранний период развития общества, по основной форме производства несомненно еще охотничьего, собака выступает даже и после ее одомашнения в качестве типичного охотничьего предмета. Лишь позднее она становится средством передвижения.

На основании лингвистических исследований Н. Я. Марра можно полагать, что грамматические категории мужского, женского и среднего родов — возникли в связи с образованием соответствующих понятий на почве половозрастного разделения труда.⁴ Отсюда, разумеется, не следует, что оформление каждого позднейшего слова мужск. и средн. рода непосредственно вытекает из этих же условий. Речь идет лишь об исходном пункте образования соответствующих понятий и тех терминов, которые впоследствии превратились в соответствующие формальные признаки грамматических родов, т. е. суффиксы в флективных языках. Это наблюдение сходится с существенным указанием Ф. Энгельса о роли естественного разделения труда: „Разделение труда чисто естественного происхождения: оно существует лишь между полами (речь идет о первобытно-коммунистическом обществе — С. Б.) Мужчина ведет войну, идет на охоту, рыбную ловлю, добывает пищу в сыром виде и необходимые для этого орудия. Женщина работает по дому и занята изготовлением пищи и одежды, варит, тклет и шьет. Тот и другая являются хозяевами каждый в своей области: мужчина — в лесу, женщина — в доме. Оба являются собственниками (правильнее было бы сказать: непосредственными распорядителями, владельцами; русский перевод не совсем точно передает мысль Ф. Энгельса — С. Б.) изготовленных и употребляемых ими орудий: мужчина — оружия, охотничьих и рыбных принадлежностей, женщина — домашней утвари. Домашнее хозяйство ведется на коммуни-

¹ См., напр., Н. Я. Марр. Средства передвижения, орудия самозащиты и производства. Изд. КИАИ Академии Наук СССР, 1926, стр. 5 и след. Карфаген и Рим, *fas* и *ius*. Сообщ. ГАИМК, 1929, т. 2, стр. 392 и след. К отчету о заграничной командировке, ДАН СССР, 1929, стр. 324—326. Бретонская нацменовская речь. Изв. ГАИМК, т. VI, вып. 1, 1930, стр. 28—29. К вопросу об историческом процессе в освещении яфетической теории, Тр. I Всесоюзной конференции историков-марксистов, т. 2, 1930, стр. 286. Родная речь — могучий рычаг культурного подъема, Л., 1930, стр. 28 и след. Яфетидология в ЛГУ, Избр. работы, т. I, изд. ГАИМК, стр. 259—263. Готское слово „guta“ муж, Изв. Академии Наук СССР, 1930, стр. 460. В тупике ли история материальной культуры, Изв. ГАИМК, вып. 67, 1933, стр. 50 и след. и др.

² Н. Я. Марр. Яфетидология в ЛГУ, Избр. работы, т. I, стр. 259.

³ Н. Я. Марр. Родная речь — могучий рычаг культурного подъема, Л., 1930, стр. 35.

⁴ Подробнее в моей работе: Н. Я. Марр и его теория, Изд. Ленсоцгиз, 1933, стр. 48—49. Сов. Этногр., № 3.

стических началах для нескольких, часто многих семей. То, что делается и используется сообща, является общей собственностью: дом, огород, лодка¹. Принимая во внимание приведенную выше оговорку относительно происхождения многих позднейших слов, все же, можно было бы на основании некоторых терминов построить немаловажные заключения. Отмечу, что термин скот, в том случае, когда он увязывается по своему значению также с понятиями „имущество“, „богатство“, „деньги“, „золото“, как в русском языке,² — мужского рода; во французском языке *le bétail*, как и в русском „скот“ — мужск. рода; в немецком, подобно русск. „имущество“, „богатство“, „золото“, *das Vieh* — среднего рода. Таким образом, в русском языке первым непосредственным распорядителем скота выступает мужчина, что целиком соответствует точке зрения Ф. Энгельса: „поэтому скот принадлежал ему (мужчине — С. Б.), ему же и принадлежали и вымененные на скот товары и рабы“.³ Только позднее, с выделением малой семьи, имущество поступило в совместное распоряжение мужчины и женщины, мужа и жены; это нашло свое отражение в русском „имущество“, „богатство“ и т. д., в немецком *das Vieh*. Для домашних животных в русском языке мы имеем обычно парные названия мужск. и женск. рода, при этом вовсе не обязательно всюду связанные с физическим полом животного. Таковы названия: бык или вол и корова, конь и лошадь, баран и овца, боров и свинья, пес и собака и т. д. Напротив, дикие животные обычно имеют одно название, причем для обозначения женской особи применяется то же слово, лишь с прибавлением соответствующего окончания, как лев и львица, медведь и медведица, волк и волчица, тигр и тигрица и т. д. Редкие исключения, как выдра, куница и т. п., оставляем в стороне, не отвлекаясь для анализа, который, надо полагать, даст в итоге вполне удовлетворительное объяснение. В языках более ранних стадий развития, как хамитический Бедауйэ, для обозначения домашнего животного, женской особи, напр., коровы, применяется даже слово мужского грамматич. рода.⁴ Обращаясь к терминам русского языка для обозначения домашних животных, далее наблюдаем, что слова, обозначающие животных, специфически связанных с мужскими занятиями, как война, охота, послужили основой для образования новых слов, обозначающих хозяйственные сооружения для содержания животных, только в том случае, когда соответствующее исходное слово было мужск. грамматич. рода. Примером могут служить конюшня — от конь, но не от „лошадь“, псарня — от пес, но не от „собака“ и т. д. Напротив, хозяйственные сооружения для содержания животных, уход за которыми принадлежал в феодальном и буржуазном обществе женщине, в русском языке произведены от основы женских слов, например, коровник, свинарник, овчарня, курятник и т. д. Сюда же можно отнести слово собачник, типичной домашней „принадлежности“, в отличие от псарни, мужского охотничьего сооружения.

¹ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, изд. 1933, стр. 188.

² Н. Я. Марр. Родная речь, стр. 29.

³ Ф. Энгельс. Указ. соч., стр. 191.

⁴ Л. И. Снегирев. Материалы к историческому определению древне-египетского языка. Сб. Язык и Мышление, I, Инст. Языка и Мышления АН СССР, 1933, стр. 20.

Едва ли приходится сомневаться, что вторая категория построек принадлежит к тому времени, когда одомашнение животных уже давно совершилось, и домашние животные прочно вошли в систему хозяйства, т. е. относится к сравнительно поздней ступени развития общества. Археологические данные не обнаруживают никаких следов сооружений для животных, подобно коровникам, свиарникам и т. п. в период начального развития скотоводства. О том же свидетельствуют и этнографические данные. Отсюда, по аналогии с обозначением диких животных, по названиям домашних животных не следует ли заключить, что древнейшими являются названия, впоследствии оформившиеся как мужские слова, иначе говоря, что по названиям домашних животных можно было бы также предполагать мужчину в качестве первого скотовода? Лишь позднее одомашненные животные поступили в распоряжение женщины и получили новые, вторые названия.

Поддерживая идеалистические гипотезы о приручении мелких животных ради забавы, и Г. Кунов не умолчал, что „последних иногда при недостатке мяса съедают“.¹ О том же мимоходом он говорит относительно свиней и собак,² дикой козы-ламы³ и т. д. Г. Кунов оставляет этот материал без внимания, не придавая всем таким фактам значения. Однако, упомянутых известных этнографических и археологических фактов совершенно достаточно для построения определенных выводов. Какова бы ни была порода тех или иных животных, впервые прирученных и одомашненных в тех или иных районах, стимулом к одомашнению всюду являлся хозяйственный интерес, хотя и весьма примитивный: будущих домашних животных первоначально держали в качестве мясного запаса. Отправные моменты одомашнения рисуют нам совершенно определенно данные, собранные В. Г. Богоразом-Таном. Они подкрепляются археологическими данными, фактами, равно независимо от них наблюдаемыми языковыми данными. Наконец, данные, о которых упоминает Г. Кунов, характеризуют картину пережитков этого явления на несколько более поздней ступени развития животноводства.

Получив на определенном уровне развития материального производства возможность оставления раненых на охоте животных или молодых экземпляров после гибели их родителей, превращая эту часть своей охотничьей добычи в запас живого мяса, первобытный охотник, очевидно, неоднократно практиковал такого рода опыты, ни мало не задумываясь первоначально над их значением. Всякий раз когда обстоятельства не принуждали первобытного охотника к немедленному потреблению в пищу захваченного таким образом животного, последнее оставалось „про запас“, в специально ли сооруженном для этих целей загоне, или в ловчей яме, или в каком-либо ином огороженном месте. Чем прибыточнее была охота, тем больше становился запас, тем дольше пойманные животные оставались живыми в плену. Лишь в процессе содержания таких пленников в течение очень продолжительного времени в неволе, первобытный человек сумел открыть ряд полезных свойств животных, ранее ему неизвестных.

¹ Г. Кунов. Всеобщая история хозяйства, т. I, 1929, стр. 220.

² Там же, стр. 295—262.

³ Там же, стр. 260—262.

Такими свойствами являлись молоко, шерсть и проч. Таким путем возникли добавочные стимулы к содержанию животных в неволе, еще более содействовавшие окончательному утверждению скотоводства.

Существенным на первый взгляд возражением против всего сказанного об условиях первоначального одомашнения животных могут казаться известные этнографические факты, которые сводятся к тому, что примитивные охотники и скотоводы, как те, так и другие, яко бы, не делают никаких запасов, сплошь и рядом хищнически, чуть ли не поголовно истребляют дичь или стада, явно не имея в этом надобности, и содержат скот, не умея его достаточно хозяйственно использовать. Соответствующие факты, например, приводит Н. И. Зибер.¹ Еще более кропотливо и тщательно значительный материал подобран в специальной работе на тему о примитивном скотоводстве А. Н. Максимовым.² Но, во-первых, хорошо известны факты, прямо противоположные первым. Они, между прочим, отмечены даже Г. Куновым.³ Во-вторых, и в особенности в связи с наличием фактов противоположного характера, весь соответствующий материал нуждается в более тщательном анализе и более осторожном истолковании. Так, Н. И. Зибер приводит, собственно говоря, только два определенных факта массового истребления дичи. Первый из них, однако, при ближайшем рассмотрении оказывается единичным явлением, а не типичным случаем, причем обстоятельства избиения дичи остались невыясненными наблюдателем.⁴ Поэтому он никак не может служить аргументом в пользу утверждения, что подобные массовые избиения дичи практикуются постоянно. Второй факт находит себе вполне определенное истолкование, которое в скрытой форме приводит сам же Н. И. Зибер: жители Камбоджи устраивают торжественное пиршество один раз в год; именно оно и сопровождается массовым убиением скота.⁵ Расточительность, как таковая, здесь решительно не при чем. Все остальные, собранные Н. И. Зибером факты, рисуют нам картину слабого регулирования потребления на ранних ступенях развития общества. Оспаривать это отнюдь не приходится, но этот материал ни в какой мере не является и аргументом против утверждения о возникновении скотоводства из охоты.

Материал, собранный А. Н. Максимовым, вообще не содержит ни одного факта типичного хищничества в охоте. Речь всюду идет о том, что примитивные скотоводы тратят слишком много усилий на содержание скота, и эти их усилия хозяйственно не оправдываются. Но подбор и интерпретация соответствующих фактов у А. Н. Максимова слишком односторонние.

Во-первых, археологические, этнографические и лингвистические данные решительно опровергают все соображения А. Н. Максимова, будто бы держание скота ради его мяса является позднейшей стадией в развитии скотоводства. Первобытный человек прежде всего ценил в каждом животном, за которым охотился и которое в дальнейшем держал при себе, именно мясо. Ярким при-

¹ Н. И. Зибер. Очерки первобытной экономической культуры. 1923, стр. 131 и след.

² А. Н. Максимов. Скотоводство малокультурных народов. Уч. зап. Инст. истории, Ранион, т. I, 1927, стр. 17—24.

³ Г. Кунов, упом. соч., стр. 220, 261, 274, 295—296 и др.

⁴ Н. И. Зибер, упом. соч., стр. 131.

⁵ Там же, стр. 134.

мером тому является собака. Археологически и этнографически установлено, что ее мясо шло в пищу первобытного человека. Этнографически установлено, что с целью получения мяса собака разводится и содержится в хозяйстве у ряда примитивных народов. Археологически наблюдаемый факт раннего одомашнения свиньи, наряду с крупным рогатым молочным скотом, также опровергает догадки А. Н. Максимова, будто бы молочная стадия в скотоводстве предшествовала мясной. А. Н. Максимов, следовательно, просто неосторожно смешивает первобытное мясное хозяйство с позднейшим, промышленным добыванием мяса.

Во-вторых, приведенные А. Н. Максимовым в подтверждение его соображений этнографические факты, изъятые им, так сказать, из всего „контекста“ хозяйственной жизни народов, стоящих на самых различных ступенях развития. А. Н. Максимов весьма поверхностно отмечает то одну, то другую хозяйственную сторону примитивного скотоводства, не вдаваясь в изучение вопроса во всех подробностях примитивного скотоводства, например, в его связи с земледелием и другими занятиями, не устанавливая в соответствующих случаях основного источника питания примитивных скотоводов. Последнее же особенно важно, так как объясняет, почему примитивный скотовод мало пользуется мясом домашних животных. Недостаточно анализируя материал, делая поспешное заключение о нерентабельности, невыгодности примитивного скотоводства, о малой молочности рогатого скота, о недостаточном использовании шерсти животных, А. Н. Максимов совершенно упускает из виду, что примитивный скотовод чем-то живет, что, следовательно, источник его питания лежит где-то вне скотоводства, и стадо поэтому составляет как бы особый хозяйственный резерв. Не является ли этот резерв как раз тем запасом живого мяса, который заготавливался ранее именно в качестве такового? Иначе говоря, не пережиток ли это более древнего состояния? Уже самая возможность такой интерпретации, отнюдь не устраненной А. Н. Максимовым, опровергает все его построение. Как видно из изложенного, те же факты могут служить для доказательства обратного положения, оспариваемого А. Н. Максимовым.

В-третьих, А. Н. Максимов подходит ко всем примитивным скотоводческим народам с меркой европейца, забывая, что в первобытном и вообще примитивном хозяйстве труд был гораздо менее производительным, что хозяйственная деятельность не стояла в этом обществе в связи с рыночными отношениями, что первобытный скотовод не руководствовался соображениями выгоды, прибыли, рентабельности, что он вел все свое хозяйство „на себя“, не стремясь к получению разнообразных избытков в хозяйстве.

Таким образом, доводы А. Н. Максимова против возникновения скотоводства из хозяйственных интересов — мнимые. При проверке их, они не выдерживают критики, как не выдерживает, следовательно, критики и вся его концепция „любительства“ в качестве условия и отправного пункта одомашнения животных и возникновения скотоводства. Напротив, собранный А. Н. Максимовым материал, в соединении с изложенным выше, лишь подтверждает, что отправным пунктом в одомашнении животных являлось их содержание в неволе в виде запаса живого мяса, ради получения последнего.

С полным основанием отвергнув различные идеалистические гипотезы одомашнения животных, в том числе гипотезу „любительства“, приручения

животных „ради забавы“, В. В. Гольмстен своей собственной догадкой о мелком женском скотоводстве фактически расчистила путь к применению все той же гипотезы „любительства“.

„Как мы видели, — пишет она в упомянутой выше работе, — и в лесах и в степях Восточной Европы первыми домашними животными был мелкий скот — свиньи, козы, овцы, причем содержание его тесно связано с оседлостью и содержался он единичными экземплярами при жилье. Вся обстановка этого примитивного скотоводства ставит под сомнение общераспространенный взгляд на роль мужчины, как первого скотовода. Скотоводство, родившееся из охоты, с момента своего возникновения, якобы делается областью мужского труда, а скот — владением мужчины“.¹

Как отмечено было выше, „общераспространенный“ взгляд, что первым скотоводом был именно мужчина, а не женщина, принадлежит Ф. Энгельсу. Напротив, высказанное В. В. Гольмстен мнение, отнюдь, впрочем, не новое и не оригинальное, имеет своим представителем Г. Кунова, который вообще стоит на точке зрения мелкого скотоводства, как начальной стадии одомашнивания животных.² Таким образом, точке зрения Ф. Энгельса В. В. Гольмстен противопоставила мнение Г. Кунова. Можно, конечно, „предположить“, что Энгельс допустил при решении данного вопроса случайную ошибку, а Г. Кунов — высказал правильную мысль. Изложенный выше материал показывает, однако, что погрешил против истины не Ф. Энгельс, а именно Г. Кунов, а вслед за последним и В. В. Гольмстен. Первым скотоводом был именно мужчина. Первые домашние животные были отнюдь не мелкие, а крупные, в том числе прежде всего крупный рогатый скот, справиться с которым было под силу именно охотнику-мужчине; последний в процессе охоты впервые познакомился с диким быком. Однако, получая этот вывод, нельзя не признать, что иного пути к одомашнению животных других видов, чем охота, не было вообще. В числе первых одомашненных животных, на ряду с быком, была свинья. Но дикая свинья мало похожа на современную мирную, домашнюю. Не только охота на кабана, но и на дикую свинью — являлось далеко не безопасным занятием. Современным, хорошо вооруженным охотникам отлично известно, что охота на дикую свинью, не говоря о кабане, связана с определенным риском. Неопытный, неумелый или оплошавший охотник рискует, в случае неудачных действий, сильно поплатиться. В отличие от кабана, дикая свинья редко нападает на человека первая, но в самообороне она страшна, свирепа и опасна, мало чем уступая кабану. Никаких оснований к тому, чтобы считать первобытную встречу с дикой свиньей менее опасной, чем ныне, не имеется. Не женщина овладела в „мирной“ домашней обстановке дикой свиньей, превратив ее в домашнюю, а охотник, который ценил в дикой свинье прежде всего мясо. Ради мяса он за ней охотился, из-за мяса же он только и мог предпринимать первые шаги по ее одомашнению. Несомненный объект охоты представляет собой коза, приручение которой непонятно в домашнем

¹ В. Гольмстен. К вопросу о древнем скотоводстве в СССР. Сб. „Проблемы происхождения домашних животных“, вып. I, изд. АН СССР, стр. 94, ср. стр. 95.

² Г. Кунов, указ. соч., стр. 87—88, 94 и др.

хозяйстве того периода, когда едва пойманная, она еще не могла быть использована в интересах молочного хозяйства. Только прядение и ткачество, много времени спустя после начала одомашнения первых животных, могли превратить уход за козой в женское занятие. То же можно сказать и относительно овцы. Но ткачеству и прядению предшествовало использование цельных шкур этих и других животных. Познать полезные свойства овцы и козы в смысле получения материала для пряжи и ткани можно было только после полного одомашнения этих животных. Нет поэтому никаких оснований для выделения свиней, коз и овец в особую категорию мелких животных, одомашненных на этом, яко бы, основании женщиной, в отличие от крупного рогатого скота, очевидно одомашненного, с этой точки зрения, мужчиной. Размеры скота в процессе одомашнения, как видно на основании разобранного выше материала, существенной роли не играли. Все одомашненные впоследствии породы животных первоначально одинаково являлись объектом охоты, специфически мужского занятия. Приручив и постепенно одомашнив скот, в одних случаях превратившись в подлинного скотовода-пастуха, в других случаях применив одомашненное животное в земледелии, мужчина незаметно, исподволь подготовил тот коренной переворот в истории семьи и первобытного общества, о котором говорит Ф. Энгельс. „Дикий воин и охотник довольствовался в доме вторым местом после женщины, „более мягкий“ пастух, гордясь своим богатством, выдвинулся на первое место, а женщину оттеснил на второе“.¹

Ф. Энгельс приравнивает этот переворот к революции, одной из самых решающих, какую пережило человечество.² Точка зрения Ф. Энгельса на возникновение скотоводства, полностью подтверждающаяся фактическими данными, вместе с тем неразрывно связана со всей концепцией К. Маркса и Ф. Энгельса, с их общим взглядом на развитие первобытно-коммунистического общества.

К. Маркс и Ф. Энгельс придавали огромное значение в развитии первобытно-коммунистического общества различным формам разделения труда. Как можно вывести из их указаний, ведущее противоречие в развитии этого общества заключалось в противоречии между разделением труда, как показателем развития материальных производительных сил и их выражением, с одной стороны, первобытно-коммунистическими производственными отношениями — с другой. Одной из форм разделения труда в доклассовом обществе было отделение скотоводства от земледелия. Ф. Энгельс закономерно связывает с этим первым крупным общественным разделением труда „утверждение фактического господства мужчины в доме“, увековеченное падением материнского права и введением отцовского права.³

Но прежде чем это могло совершиться, оно должно было быть исторически подготовлено. В качестве такой исторической подготовки и можно рассматривать длительный процесс одомашнения животных мужчиной — охотником.

Таким же точно образом точка зрения Г. Кунова по вопросу о возникновении скотоводства связана со всей концепцией Г. Кунова. Его идеалистические установки сказываются со всей очевидностью в вопросе о мелком ското-

¹ Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, стр. 191

² Там же, стр. 189—192.

³ Там же, стр. 189—192.

водстве. Мелкое скотоводство исключает у него охоту и объясняется любительством. Женское скотоводство на заре патриархального общества исключает у него материалистическое объяснение перехода от материнского рода к отцовскому.

В свете археологических, этнографических и лингвистических данных вопрос о том, как и кто совершил одомашнение животных, как видно из предыдущего изложения, решается в том смысле, что скотоводство возникло из охоты, что первые домашние животные были приобретены мужчиной-охотником, который в одомашнении животных преследовал узко-практическую цель получения запасов живого мяса.

Следующий, четвертый вопрос, связанный с проблемой одомашнения животных, заключается в том, какие технические приемы применялись первобытным человеком для поимки диких животных. Само собою разумеется, что поимка животных для содержания их в неволе должна была предшествовать одомашнению животных.

Из предыдущего, в частности, из описания подобных приемов В. Г. Богоразом-Таном, уже отчасти видно, какие средства применялись для поимки диких животных. Одним из таких средств была облава, загон. В литературе предмета также высказан взгляд, что первобытный человек легче всего мог захватить в плен молодое животное, еще неопытное в самозащите и неприспособленное к бегству. В руки охотника они попадали тем легче, что не решались отходить от своей убитой или тяжело раненной матери. Этим пользовался охотник, которому ничего не стоило захватить добычу живьем. Подобного рода мнение не является голословным. Оно опирается на этнографически наблюдаемые факты. Так, напр., Г. Кунов упоминает, хотя и не делает отсюда никаких выводов, что минкопи подобным образом часто захватывают во время облавы на диких свиней маленьких поросят, которых затем загоняют в специальные закуты.¹ Едва ли, однако, этот способ приобретения животных являлся единственным путем образования живых запасов мяса. Существует мнение, также этнографически подтвержденное, что кроме молодых животных на охоте захватывались и раненые, лишенные способности сопротивляться или спастись бегством. Это подтверждается и новейшими археологическими фактами.

Выше вскользь упоминалось о Старшем Каширском городище, исследованном в 1925 и 1926 гг. В. А. Городцовым. Вероятный возраст этого городища — средний между Галичской и Мл. Волосовской стоянкой — с одной стороны, и Дьяковыми городищами — с другой. Сам В. А. Городцов датирует Старшее Каширское городище между VII и III вв. до н. э.² В сравнении с ямнокатакомбными погребениями и федоровской стоянкой, где обнаруживаются первые следы скотоводства, оно, конечно, значительно более поздний памятник. Как отмечалось выше, у древних каширцев также обнаружены следы скотоводства, но наряду с ними — следы сильно выраженных охоты и рыболовства. Описывая остатки найденных в городище костей животных, В. А. Городцов, между прочим, отмечает: „обращение древних каширцев с домашними живот-

¹ Г. Кунов. Всеобщая история хозяйства, т. I, 1929, стр. 87—88.

² В. А. Городцов. Старшее Каширское городище. Изв. ГАИМК, вып. 85, 1934, стр. 45—46.

ными было очень грубым и жестоким: мы много раз находили поломанные и сросшиеся кости, в особенности ребра. Поломы костей, очевидно, сделаны ударом человека".¹ В дневнике раскопок этого городища за 1925 г. В. А. Городцов дважды отмечает наблюдаемый им факт. В одном месте дневника он пишет: „обращение с животными было жестоким: нами встречено несколько костей (ребер), сломанных при жизни животных и затем сросшихся. Это явление нами впервые замечено в Каширском городище, в древних же городищах оно не наблюдалось".² Каким именно животным принадлежали упоминаемые В. А. Городцовым кости, из дневника не видно. Не указано также в дневнике, в каком количестве были найдены поломанные и сросшиеся кости. Фотоснимки отсутствуют. В перечне остатков животных преимущественно сообщаются находки домашних животных.

В другом месте того же дневника имеется следующая запись: „любопытно еще раз заметить, что в большом количестве прошедших перед нами костей домашних животных нам нередко приходилось наблюдать поломанные и сросшиеся кости, особенно ребра. Это явление интересно с бытовой точки зрения, так как характеризует жестокое обращение человека с животными".³ Последнее сообщение заставляет предполагать, что во всех случаях речь идет только о домашних животных. Приходится лишь пожалеть, что и во втором месте дневника запись носит крайне общий характер, лаконична, факт не описан подробно, не указано вполне точно, каким именно животным принадлежали поломанные и сросшиеся кости, какие именно кости (кроме ребер), какой характер имели поломы, много ли было найдено таких костей.

Характер описания находок лишает возможности широкого использования наблюденного В. А. Городцовым факта для прочно обоснованных широких выводов. Тем не менее, несмотря на весьма общий характер описания находок и несмотря на отмеченную неполноту сведений, самый факт названных находок представляет столь значительный научный интерес, что на нем нельзя не фиксировать пристального внимания и не сделать некоторых любопытных выводов.

Догадки В. А. Городцова о грубом и жестоком обращении древних каширцев с домашними животными, как ничем не обоснованные, приходится оставить в стороне. Гипотеза, предложенная им, чисто психологического порядка и не может объяснить самого существа дела. Даже если бы она была верна, оставалось бы непонятным, почему грубые и жестокие нравы древних каширцев проявлялись именно в форме калечения домашних животных, почему каширцы явно пренебрегали своими хозяйственными интересами и наносили своему хозяйству, повидимому, определенный вред, если не сказать просто — его разрушали. Стоило ли содержать домашнее животное, чтобы его так затем калечить и терять тем самым возможность хозяйственного использования искалеченного животного? Следует прежде всего заметить, что оба описания „странных" находок в дневнике относятся к исследованиям самых древних слоев городища, т. е. поврежденные кости принадлежали животным наиболее древнего периода, в существовании соответствующего поселения каширцев. Как уже отмечалось

¹ В. А. Городцов. Старшее Каширское городище. Изв. ГАИМК, вып. 85, 1934, стр. 38.

² Там же, стр. 68.

³ Там же, стр. 92.

выше, каширцы вообще не теряли связи с охотой. Наблюденный В. А. Городцовым факт, в соответствии с этим, можно объяснить как преднамеренное калечение животных, отнюдь не предполагавшее широкого использования всех полезных свойств домашних животных, но только — сохранение в полуживом виде, в качестве живого запаса мяса. У каширцев, как отмечает В. А. Городцов, не было специальных хозяйственных сооружений для содержания скота.¹ Калечение животного лишало последнее возможности спастись бегством и таким образом привязывало его к жилью человека. В сопоставлении этого объяснения со сказанным выше о происхождении скотоводства из охоты подобное предположение становится вполне вероятным. Это не исключает, однако, возможности и другого объяснения. Калечение животного могло быть результатом соответствующих приемов охоты. К сожалению, с полной уверенностью об этом говорить невозможно, так как костный материал из Старшего Каширского городища не подвергался специальной экспертизе палеозоологов, которые вероятно с большей определенностью могли бы сказать, имеем ли мы дело с экземплярами вполне одомашненными, или с дикими, еще не освоенными вполне человеком. Различие же тех и других едва ли могло быть особенно значительным. Так, исследовав остатки домашних животных из городища Старой Рязани, С. Н. Боголюбовский, например, замечает: „в такой археологически поздней эпохе, как XIII в., мы встречаем в древней Руси домашних животных еще очень примитивного торфяникового склада. Особенно резко это сказывается на свиньях и крупном рогатом скоте“.² Но ведь Старшее Каширское городище имеет куда более почтенный возраст, чем XIII век н. э. Различие между соответствующими породами домашних и диких животных там должно было, очевидно, быть еще меньше. Таким образом, вполне правдоподобно, что некоторые экземпляры животных из Старшего Каширского городища, которым принадлежали поломанные кости, нужно отнести к числу диких, а не домашних. Это не противоречит факту существования скотоводства у каширцев. Напротив, дикие животные могли добавляться к наличному уже у каширцев стаду. „Самцы диких животных чрезвычайно охотно приходят в домашнее стадо для оплодотворения самок, проводят в стаде все время течки, иногда оставаясь и дольше, или наоборот, уходят, уводя с собою самок домашнего происхождения. До сих пор жеребец тарпан (дикая „лошадь Пржевальского“) уводит кобыл из киргизских табунов“ и т. д., — говорит В. Г. Богораз-Тан.³ Желание сохранить такое пришедшее со стороны дикое животное могло вести древних каширцев к преднамеренному калечению подобных экземпляров.

Сообразуя все сказанное выше, можно предполагать, что на одной из древних ступеней одомашнения животных преднамеренное калечение животных могло играть свою определенную роль в образовании мясных запасов. Хозяйственным интересам древних скотоводов, которые не знали никаких других более совершенных способов скотоводства и более совершенных способов использования домашних животных, это нисколько не противоречило.

¹ В. А. Городцов. Старшее Каширское городище. Изв. ГАИМК, вып. 85, 1934, стр. 38.

² С. Н. Боголюбовский. Палеофауна сельско-хозяйственных животных Старой Рязани. Труды секции археол., Ранион, т. IV, 1928, стр. 84.

³ В. Г. Богораз-Тан. Распространение культуры на земле, 1928, стр. 91.

Как известно, в древнейшую пору первобытного коммунизма, при крайне низком уровне развития производительных сил, захваченного в плен человека из другой группы убивали и съедали. Другого применения пленника первобытный человек первоначально не знал. С ростом производительных сил, с приобретением возможности пропитать раба, снабдить его материалами и орудиями труда, явилась возможность превращать пленника в раба, а не съедать его, как было ранее¹. Точно так обстоит дело и с одомашнением животных. Первоначально захваченных на охоте животных просто убивали на месте. С ростом материальных производительных сил явилась возможность держать некоторую часть животных, лишенных теми или иными способами возможности к бегству, в виде живого запаса мяса.² В тех случаях, когда одомашнению животных предшествовало, кроме того, знакомство с рыболовством, последнее могло явиться отличным образцом технических приемов сохранения живого запаса животных. Избыток рыбы, быстро погибающей и портящейся вне воды, мог сохраняться только в искусственно отграниченном водном бассейне, будь то небольшой пруд, или отгороженные в некоторой своей части плетнем, кольями, сетью и т. п. озеро или река, или же какая-либо плетеная корзина, опущенная в воду. Этот способ сохранения запаса рыбы мог быть усвоен и перенесен на сохранение пойманных животных, разумеется, при соответствующем видоизменении самих приемов содержания добычи в неволе.

Подведем общие итоги всему сказанному выше.

По вопросу о так наз. центрах, откуда могли распространяться всюду различные домашние животные, нет никакой надобности прибегать к гипотезам единого или нескольких немногих центров. Одомашнение животных могло происходить в каждом районе самостоятельно, являясь закономерным результатом предшествующего развития общества.

По вопросу о видах и породах одомашненных животных нет никаких оснований к утверждению, будто бы первыми одомашненными животными были мелкие козы, овцы и т. д.

По вопросу о том, как и кем осуществлено одомашнение первых животных приходится настаивать, что скотоводство возникло из охоты, первые шаги по одомашнению были сделаны мужчиной-охотником в интересах получения живых запасов мяса. Уход за теми или иными видами домашних животных со стороны женщины и так наз. женское скотоводство — относится к позднейшей ступени развития общества.

По вопросу о технике одомашнения животных необходимо высказаться в том смысле, что в различных случаях практиковались различные охотничьи приемы поимки как молодых, так и взрослых животных, напр., облава, загон, волчьи ямы, западни и т. д., вследствие чего животное подвергалось даже калечению. Преднамеренное калечение взрослых животных применялось также с целью лишить их возможности бегства и самозащиты.

¹ Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. т. XIV, стр. 163 и 183.

² Кстати, сам Ф. Энгельс связывает исчезновение людоедства с приручением и разведением домашних животных. — Происхождение семьи, частной собственности и государства, стр. 47. См. также стр. 75—76.